

Чтобы как можно быстрее раскрыть это дело, окружной магистрат Вэн провел в своем кабинете всю ночь, приказав своим людям выяснить, откуда родом Вэй Цэ и остальные члены семьи Вэй, а затем на рассвете следующего дня отправился на постоянный двор.

Тан Фан хорошо спал всю ночь и сытно позавтракал, так что, заметив темные круги под глазами только что прибывшего магистрата Вэна, несколько смутился и произнес:

— Садись, поешь, а я пока посмотрю.

— Этот скромный чиновник не голоден! – поспешил вежливо отказаться магистрат Вэн.

Тан Фан опустил голову, изучая документы:

— Тогда рассказывай, что удалось узнать.

«Да, – магистрат Вэн глубоко вздохнул. – Вэй Цэ действительно не местный, он из префектуры Дамин и экзамен окружной там же сдавал. Сюда он переехал больше двадцати лет назад из-за торговли. Что касается остальных членов семьи Вэй, то первая его жена умерла до того, как он переехал в Дамин, так что в семейном реестре здесь о ней ничего не сказано. Вероятно, мне придется отправиться в Дамин, чтобы найти что-то про нее.

Вторая жена Вэй Цэ, госпожа Чай, местная жительница. Ее семья жила в округе Сяньхэ на протяжении трех поколений.

Сначала этот скромный чиновник проверил всех людей Вэй, каких мог, включая слуг и служанок. Их пожизненные контракты находятся в руках семьи Вэй, но их всех зарегистрировали в местной префектуре. Мы не смогли обнаружить ничего подозрительного. Так, например, две служанки, Сяо Лу и Сяо Шуан родились и выросли в семье Вэй. Но затем я проверил биологическую мать погибшего мальчика, госпожу Ли!

Оказалось, что госпожа Ли тоже из Дамин. Ее дед бежал в префектуру Дамин, спасаясь от голода в Шаньси. Так вышло, что Вэй Цэ отправился в Дамин по делам и встретил там отца госпожи Ли. Он влюбился в госпожу Ли и увез ее в округ Сяньхэ, сделав своей наложницей».

— Госпожа Ли, – задумчиво проговорил Тан Фан, – мать младенца Вэй. Она бы не стала причинять вред собственному ребенку, верно?

— Да. Когда маленький господин Вэй умер, этот чиновник отправился к ней. Женщина была убита неподдельным горем.

— Кроме госпожи Ли, кто-то еще был из Дамин в семье Вэй?

— Да. Войдя в дом Вэй, госпожа Ли привела с собой служанку и кормилицу. Служанку зовут Чун Ин. Она находилась подле госпожи Ли во время убийства. А кормилица – госпожа Ху, что заботилась о младенце Вэй.

— Госпожа Ху тоже из Дамин? – сердце Тан Фана замерло.

— Так написано в домовоей книге. Должно быть, это правда.

— А что насчет мужа, родителей, братьев или сестер госпожи Ху? Вы нашли их?

— Боюсь, – покачал головой магистрат Вэн, – что мне придется отправиться в Дамин, чтобы разузнать об этом. Господин подозревает госпожу Ху?

— Сначала пошлите людей для расследования. Слишком рано делать какие-либо выводы.

Не медля ни секунды, Тан Фан, с разрешения Суй Джоу, попросил Янь Ли с Гунсунь Янем отправиться в Дамин вместе с чиновниками округа Сяньхэ, чтобы выяснить происхождение госпожи Ху.

Так было сделано, дабы ускорить дело. Если бы чиновники округа отправились одни, они бы лишь потратили лишнее время, ссорясь с чиновниками Дамина. Но с Императорской Стражей все было по-другому: куда бы те ни пошли, никто не смел смотреть на них свысока.

Поэтому, хоть молва об Императорской Страже ходила дурная, а благородные ученые мужи называли их псами и прихвостнями императора, Тан Фан считал, что при верном использовании те могут служить непобедимым острым клинком. А самое главное, что Суй Джоу, который тоже служил в этой специальной организации, был человеком принципиальным и исполнительным и сильно отличался от того же Вань Туна.

Защищает клинок людей или убивает их, зависит не от клинка, а от его владельца.

Но если продолжать относиться к ним предвзято, то ничего не изменится.

Янь Ли пребывал в перевозбужденном состоянии из-за грядущего брака с восьмой барышней Хэ. Суй Джоу не хотел, чтобы тот целыми днями лазал по стенам ее дома, марая доброе имя Императорской Стражи, так что велел тому как можно скорее выяснить правду и вернуться, пообещав, что после этого попросит Тан Юй организовать Янь Ли встречу с восьмой барышней Хэ, во время которой он может нормально объясниться в своих чувствах.

Эти слова так мотивировали Янь Ли, что он тотчас без лишних слов возглавил отряд в Дамин.

И не подвел Тан Фана. Всего за четыре дня он прислал одного из чиновников Сяньхэ на быстрой лошади с новостями.

Как Тан Фан с остальными и предполагали, кормилица Ху действительно была из Дамина. Ее отец раньше был известным местным благотворителем; ремонтировал мосты, строил дороги и помогал людям, но затем все изменилось. Его обезглавили за надругательство и убийство чужой жены.

Даже спустя более, чем двадцать лет, Янь Ли с Гунсунь Янем удалось найти тех, кто помнил об этом инциденте. Госпожа Ху вышла замуж задолго до произошедшего с ее отцом, а позже, после того как ее муж умер от болезни, из-за разногласий со своей невесткой поступила на службу в дом Ли.

Когда госпожа Ли вошла в семью Вэй в качестве наложницы, ей нужен был надежный и способный человек. Большинство слуг из семьи Ли отказались покинуть родной дом, лишь

кормилица Ху вызвалась добровольцем, так что последовала вместе с госпожой Ли и Чун Ин в дом Вэй.

Кроме того, Императорская Стража узнала еще одну неожиданную новость: отец госпожи Ху убил первую жену Вэй Цэ, госпожу Чжан. Говорят, что он хотел изнасиловать ее, но потерпел неудачу. Та сопротивлялась, поэтому он случайно убил ее.

Именно из-за этого отца госпожи Ху и приговорили к обезглавливанию.

Услышав новости, магистрат Вэн внезапно все понял:

— Может, госпожа Ху убила младенца Вэй, чтобы отомстить за своего отца?

— Все не так просто, – покачал головой Тан Фан.

Магистрат Вэн озадаченно посмотрел на него.

— Янь Ли пишет еще кое-что. Вэй Цэ и семья Ху были родственниками. Дела у Вэй Цэ шли плохо, так что они с женой нашли убежище в доме Ху. Отец госпожи Ху принял их у себя, после чего Вэй Цэ прожил у него три года. Только подумай: если отец госпожи Ху действительно имел нехорошие намерения по отношению к госпоже Чжан, то почему терпел целых три года? Если это был не первый раз, когда он приставал к ней, а она молча соглашалась на предыдущие, то почему сейчас вдруг начала сопротивляться?

У магистрата Вэна голова шла кругом от новостей, так что прежде, чем он понял, что тот имел в виду, прошло некоторое время:

— Действительно, подозрительно.

Он был слишком взволнован из-за того, что наконец-то появились зацепки, но после слов Тан Фана и у него зародились сомнения.

«Если бы отец госпожи Ху приставал к госпоже Чжан, это означало бы, что он был довольно развратным человеком, но, господин, тут сказано, что с тех пор, как мать госпожи Ху скончалась, он не женился повторно. Очевидно, не сходитесь.

В то время семья Ху была весьма процветающей, так что он вполне мог позволить себе жениться или завести наложницу. Но у него больше не было женщин, а значит, он не мог забыть мать госпожи Ху и даже думать о других не желал. В таком случае разве он мог напасть на госпожу Чжан? Неужели она была настолько красивой, что даже благородную наложницу Ян (одна из четырех красавиц древнего Китая) обошла?»

— Верно, вполне логично, – одобрительно кивнул Тан Фан, а затем со вздохом продолжил: – Дело очень подозрительное, не представляю, как его вообще расследовали так, что без сомнений вынесли приговор!

Во времена династии Мин местные власти не могли самостоятельно выносить приговоры о

смертной казни. После того расследования на местном уровне дело должно было быть передано в столицу в Министерство Наказаний, после него Императору, а затем Кабинет Министров выносил окончательный приговор.

Неправомерные и ложные обвинения были неизбежны, но благодаря стольким этапам проверки и отчетности подобного рода вещи сводились к минимуму.

Магистрат Вэн глянул на даты, а затем прошептал:

— Дело это произошло в Дамине на седьмом году правления Цзинтая. Министерство Наказаний одобрило вердикт в следующем году, в первый год правления Тяньшуня.

Услышав эту дату, Тан Фан тоже притих.

В первый год правления Тяньшуня в столице произошло очень важное событие – дворцовый переворот.

Император Инцзун, все это время находившийся под домашним арестом, с помощью Ши Хэ, Цао Цзисяна и других вернул себе трон и заключил в тюрьму своего сводного брата, тогдашнего императора Цзинтая.

В тот год министры, что поддерживали императора Цзинтая, один за другим лишились своих должностей, а столичные чиновники столкнулись с серьезными переменами. Весь Двор был в панике.

Многие чиновники боялись случайно попасть под раздачу, так что вели себя осторожно.

Дело это было столь незначительно, что никто не стал даже силы тратить на проверку, поэтому вердикт, вынесенный префектурой Дамин, был одобрен.

Видя, что оба сидят, проглотив языки, Суй Джоу напомнил им:

— Сначала нужно пойти в дом Вэй и арестовать госпожу Ху, а затем вызвать Вэй Цэ на допрос.

Тан Фан кивнул и похлопал магистрата Вэна по плечу:

— Гуанчуань прав. Сначала следует закрыть дело маленького господина Вэй, а уж затем подумаем об остальном. Мы должны выслушать позицию госпожи Ху по поводу этого давнишнего дела. Когда придешь в дом Вэй, не спугни его. Не говори Вэй Цэ, что мы его подозреваем. Скажи, что почти уверен в том, что это госпожа Ху убила его ребенка. Он спросит об ее мотивах, и тогда расскажи о старом деле семьи Ху и посмотри на его реакцию.

— Этот чиновник спешит откланяться, – послушно кивнул окружной магистрат Вэн.

После того как магистрат Вэн ушел, Тан Фан снова просмотрел дело, а затем покачал головой и обратился к Суй Джоу:

— Когда служил в префектуре Шунтянь, постоянно сталкивался с подобными делами и понимал, как мало могу сделать с этим. Мне хотелось бы, чтобы в мире было больше таких

чиновников, как магистрат Вэн, которые не боятся трудностей и готовы докапываться до сути!

Суй Джоу налил ему чашку чая.

— Почему бы тебе не взглянуть на это с другой стороны, – неторопливо проговорил он. – Здесь есть магистрат Вэн, так что по всей стране таких бесчисленное множество.

Воспрянув духом, Тан Фан поднял чашку и с улыбкой чокнулся с ним:

— Ты прав. Я зря беспокоюсь!

— Когда расследуешь дело, – покачал головой Суй Джоу, – неизбежно наступают моменты, когда ты заходишь в тупик, тогда как со стороны видно лучше. Просто стоит смотреть с разных точек зрения.

— Ах, Гуанчуань, Гуанчуань, – не удержался от шутки Тан Фан, – ты действительно мой чуткий цветочек*! Жаль, что ты не женщина, иначе я бы взял тебя в жены!

— Приданое уже готово, – произнес Суй Джоу спокойно и собранно. – Когда господин чиновник подведет эту скромную к своей двери?

Он не строил из себя хрупкую женщину, гордо и величественно сидел за столом и говорил глубоким голосом, от которого по телу разбегались мурашки.

Тан Фан не смог удержаться от громкого хохота:

— Посмотрим, как ты будешь служить этому господину. Этот господин подумает насчет того, чтобы принять тебя в качестве своей первой наложницы!

— Почему не жены? – Суй Джоу поднял брови.

— Заведу еще нескольких наложниц, – подмигнул ему Тан Фан. – Та, что будет служить мне лучше всех, займет место жены!

— Кто еще сможет, как я, готовить для тебя, проходить с тобой через огонь и воду, защищать тебя? – возразил Суй Джоу. – И на кухне управляться, и постель греть, и чиновником служить, и лишения терпеть – кто-то еще может все это, кроме меня?

Этот вопрос загнал господина Тана в тупик.

Он потер подбородок и погрузился в глубокое раздумье из-за его слов.

Кажется... Ответ был «нет»?

Суй Джоу невозмутимо смотрел на растерянное выражение лица Тан Фана, а затем неторопливо взял чайник и налил себе чашку.

Он привык охотиться, так что знал, что есть два способа расправиться с добычей. Первый:

поймать ее быстро, в одно мгновение, прежде чем та успеет среагировать. Второй: медленно варить добычу на слабом огне, пытаясь приблизиться к ней, ослабить защиту, заставить постепенно привыкнуть к твоему присутствию, а затем поймать в сеть.

Когда чай попал в горло, граф Суй почувствовал, что хоть тот и не так хорош, как столичный, но определенно не лишен приятного вкуса.

На следующий день магистрат Вэн пригласил Тан Фана с Суй Джоу к себе, сообщив, что в деле достигнут значительный прогресс.

Когда те пришли в окружную префектуру, магистрат Вэн вышел лично встречать их. Произнеся слова приветствия, он перешел к делу:

— Госпожа Ху была задержана. После того как этот скромный чиновник допросил ее, она призналась во всем, но у нее есть старая обида, так что убийство было ее единственным выходом. Она хочет видеть господина.

— Где она сейчас? – спросил Тан Фан.

— Этот скромный чиновник поместил ее в отдельную камеру. Если господин хочет видеть ее, я приведу ее сюда.

— А что насчет Вэй Цэ?

— Да, чуть не забыл! – магистрат Вэн хлопнул себя по лбу. – Этот скромный чиновник намеренно сообщил Вэй Цэ о прошлом госпожи Ху. Вэй Цэ сначала был ошеломлен, а затем сердито сообщил, что действительно как-то пользовался милостью семьи Ху, но Ху Ханьинь поступил хуже зверя. Он пытался заполучить его жену и в конце концов случайно убил ее. Как только об этом стало известно, Вэй Цэ покинул Дамин и переехал в Сяньхэ, поскольку не хотел больше оставаться в городе, где произошло столь трагическое событие. Он не ожидал, что госпожа Ху затаит обиду из-за прегрешений своего отца.

В словах этих не было ничего подозрительного.

— Давайте сначала встретимся с госпожой Ху, – проговорил Тан Фан.

— Господин, пожалуйста, присядьте. Этот скромный чиновник пошлет служащих привести ее. Господин хочет лично допросить ее?

— В этом нет необходимости, – покачал головой Тан Фан. – Ты ведешь это дело, а мы двое лишь наблюдаем со стороны.

Вскоре привели госпожу Ху. Она все еще была одета в повседневную одежду и выглядела довольно опрятной. Было видно, что магистрат Вэн не пытал ее и не был жесток.

— Госпожа Ху, – обратился к ней магистрат Вэн, – это господин Тан, помощник левого

столичного цензора, которого ты хотела видеть. А это господин Суй, глава Двора Императорской Стражи.

Госпожа Ху выглядела взволнованной. Она немедленно поклонилась и произнесла:

— Заключение Ху приветствует господ!

— Этот чиновник хочет спросить тебя, – проговорил магистрат Вэн строгим голосом. – Ты призналась, что убила маленького господина Вэй, это правда?

— Да, – без колебаний кивнула госпожа Ху.

Магистрат Вэн грозно ударил по столу молотком:

— Зачем ты сделала это? Быстро говори правду!

— Заключение совершила это из мести. Вэй Цэ избежал наказания от властей, так что я решила прервать его род, чтобы он пожалел о содеянном!

— Твой отец был сам виноват в своей смерти, – нахмурился магистрат Вэн. – За что ты мстила?

— Это долгая история. Господин, позвольте этой заключенной рассказать, как все было.

— Рассказывай.

— Мой отец Ху Ханьинь много лет назад вел процветающую торговлю в Дамине и был богатым человеком. Он не копил богатства, как другие торговцы, а жертвовал большую часть своих денег на строительство мостов, дорог, монастырей и милостыню, так что был хорошо известен в префектуре. Моя мать рано скончалась, а отец больше так и не женился. Он вырастил меня и нашел семью, в которую я вошла после замужества.

Когда все произошло, госпожа Ху жила в семье мужа в другой провинции и лишь изредка навещала родной дом, из которого ей однажды пришло известие, что ее отец был арестован за то, что случайно кого-то убил.

Услышав это, она пришла в ужас. Когда госпожа Ху примчалась домой, магистрат префектуры Дамин уже осудил ее отца, а дело было передано в столицу. По предварительному вердикту того должны были обезглавить осенью.

Осужденным за столь серьезное преступление не разрешалось видеться с семьей, но, истоптав пороги многих важных лиц префектуры, госпожа Ху наконец смогла добиться встречи со своим старым изможденным отцом в тюрьме и наконец узнала о том, что произошло.

Ху Ханьинь рассказал своей дочери, что три года назад в их дом пришла супружеская чета по фамилии Вэй. Мужчину звали Вэй Цэ, а женщину – госпожа Чжан. Они были родственниками матери госпожи Ху. Из-за бедственного финансового положения им пришлось обратиться к нему за помощью.

Пожалев их, Ху Ханьинь принял их у себя в доме, после чего Вэй Цэ смог достигнуть прогресса. Поселившись в доме Ху, он начал усердно учиться и сдал окружной экзамен, но, к сожалению, провинциального так и не смог осилить. Ху Ханьинь утешал его, сказав, что мало у кого выходит сдать экзамен так сразу, и тому не стоит отчаиваться. Он может спокойно жить в доме Ху, те никогда не обидят их, дадут кров и еду.

Услышав эти слова, Вэй Цэ был ужасно благодарен и сказал, что, если бы Ху Ханьинь не принял его к себе, он бы никогда не смог сдать экзамен и умер в нищете. Родители его скончались, так что он надеялся, что Ху Ханьинь согласится стать его приемным отцом, которого тот сможет почитать всю оставшуюся жизнь после того, как сдаст экзамены.

У Ху Ханьиня была лишь одна дочь, да и та вышла замуж и уехала в другую провинцию, а других родственников не оставалось. Слова Вэй Цэ тронули его. Кроме того, Вэй Цэ сдал окружной экзамен, а о том, чтобы иметь в сыновьях ученого мужа, он раньше даже мечтать не смел, так что тотчас согласился.

Они отправились к властям с бумагами, и Ху Ханьинь официально признал Вэй Цэ своим приемным сыном.

Но прежде чем Ху Ханьинь успел рассказать об этом своей дочери, что жила в другой провинции, с ним произошло то, чего он никак не ожидал.

Однажды, возвращаясь домой из ломбарда, он увидел, что дверь его комнаты приоткрыта. Решив, что это служанка забыла закрыть ее после уборки, он небрежно толкнул ее.

И увидел лежащую на его кровати женщину.

Присмотревшись повнимательнее, Ху Ханьинь обнаружил, что это не кто иная, как госпожа Чжан, жена его приемного сына.

Госпожа Чжан была обнажена, в сердце ее был воткнут нож, а удивленно открытые глаза устремлены к потолку. Очевидно, она была мертва.

Ху Ханьинь так испугался, что чуть душу не отдал, и тотчас закричал.

Первым на крик прибежал Вэй Цэ. Ошеломленный этой сценой, он в гневе обвинил своего приемного отца в том, что тот хотел изнасиловать его жену, а затем разозлился из-за ее сопротивления и убил ее.

Ху Ханьинь конечно же все отрицал, но Вэй Цэ быстро доложил о произошедшем властям. Чиновники, пришедшие в дом для расследования, обнаружили, что нож, воткнутый в сердце госпожи Чжан, принадлежал Ху Ханьиню и использовался им для резки бумаги.

Госпожа Чжан умерла в комнате Ху Ханьиня и орудие убийства также принадлежало ему. Доказательства были неопровержимы, сомнений не оставалось.

Даже будь у Ху Ханьиня несколько ртов, он бы все равно не смог ничего никому доказать.

Во время встречи с госпожой Ху он сказал ей, что невиновен. Вэй Цэ был его приемным сыном, разве он мог поступить так со своей невесткой?

Ху Ханьинь просил свою дочь добиться справедливости для него, но госпожа Ху была лишь слабой женщиной, а семья ее мужа не обладала никакой властью. Сколько бы она ни старалась, Двор приговорил ее старого отца к обезглавливанию и тот отправился на тот свет.

Выслушав ее, Тан Фан спросил:

— Несмотря на то, что в деле было полно улик, в нем были и несостыковки. Неужели магистрат префектуры Дамин не заметил их? Почему он настаивал на приговоре? Разве вы не наняли законного защитника?

«Конечно наняли! – ответила госпожа Ху, стиснув зубы. – Но тот магистрат с логикой не дружил. Он был убежден, что богатые обманывают бедных, а также заявил, что Вэй Цэ, как ученый, сдавший окружной экзамен, не может лгать, да ему и незачем, а мой отец, как торговец, доброжелателен снаружи, но вероломен в сердце. Он не прислушался к моим мольбам, а велел избить меня и вышвырнуть из префектуры!

Я слышала, что столь тяжелые преступления до вынесения окончательного вердикта должны быть рассмотрены сначала провинциальными властями, а затем Императорским Двором. Мои побои не зажили, так что я попросила мужа помочь мне и отправиться к провинциальным властям. Неожиданно в пути его застал сильный дождь, так что он опоздал и дело передали ко Двору! Мы не могли попасть в столицу, и нам оставалось лишь с надеждой ждать. И в итоге моего отца осудили на смертную казнь!

У моего отца было доброе сердце, – расплакавшись, продолжала она. – Он до последнего верил, что Вэй Цэ – лишь жертва, чью жену убили. Но, как только семья Ху пала, все ее имущество было конфисковано властями, а он внезапно получил деньги, сколотил состояние и бесследно исчез из Дамин. Только позже я узнала, что он стал известным торговцем и завел семью в Сянхэ!

За двадцать лет о деле все забыли, но я помнила и желала, чтобы Вэй Цэ испытал боль от того, что его род прерван, дабы отомстить за несправедливую смерть моего отца!»

— Коль так страстно желала этого, – нахмурился магистрат Вэн, – то почему начала действовать лишь спустя более, чем двадцать лет?

— Я была замужней женщиной, – печально ответила госпожа Ху. – У меня были муж и сын, я не могла бросить их. Мой муж скончался от болезни несколько лет назад, а сын вырос, так что теперь я могу без колебаний делать все, что хочу!

— После того как с твоим отцом произошло это несчастье, – спросил Тан Фан, – ты бегала повсюду, чтобы заступиться за него. Разве Вэй Цэ не видел тебя? Почему же теперь, когда ты пошла в дом Вэй, он не узнал тебя?

— Узнав, что моя фамилия «Ху» и я из Дамин, он принялся расспрашивать меня о моей семье. Я соврала, скрыв правду. Кроме того, столько лет прошло. Моя внешность и фигура сильно изменились. Я не та, что была двадцать лет назад, так что подозрений у него не возникло.

— Ты знала, что госпожа Ли собирается стать наложницей в семье Вэй и намеренно сблизилась с ней? – снова спросил Тан Фан.

— Нет. В то время муж мой уже скончался, а с невесткой я постоянно ссорилась, так что не захотела сидеть дома и нашла временную работу в семье Ли. Я была хорошим работником, так что меня ценили. Позже, услышав, что Вэй Цэ хочет взять госпожу Ли себе в наложницы, а семья Ли ищет людей, чтобы отправить их вместе с ней, я решила, что нельзя упускать такой шанс и вызвалась сопровождать ее. Потребовалось много времени, чтобы заполучить расположение госпожи Ли и стать ее доверенным лицом.

— Тогда как ты убила маленького господина Вэй?

— Тогда подле молодого господина были я, Сяо Шуан и Сяо Лу. Они действительно видели, как меня позвали к госпоже Ли, но я смекнула и вернулась пораньше. Воспользовавшись моментом, пока обеих не было в комнате, я задушила маленького господина, затем нашла укромное место и вышла лишь, когда раздались тревожные крики, притворившись, что только что вернулась, чтобы меня никто не заподозрил.

У нее были ответы на все вопросы, и она ничего не скрывала.

В делах, над которыми раньше работал Тан Фан, почти все убийцы и подозреваемые упорствовали и все отрицали до тех пор, пока оставался хотя бы мизерный проблеск надежды. Это был первый раз, когда преступник по собственной воле рассказывал все без утайки.

Услышав все это, магистрат Вэн спросил:

— Ты как-то связана с убийством барышни Вэй Чжу?

— Нет, – покачала головой госпожа Ху. – Барышня Вэй Чжу не имела никакого отношения к событиям прошлого, зачем мне убивать ее? Но если бы не ее смерть, в доме Вэй не воцарился бы хаос, а у меня не появилась бы возможность сделать то, что я сделала.

— У тебя достаточно совести, чтобы знать, кто во всем виноват и кому следует отплатить, – усмехнулся магистрат Вэн. – Тогда почему ты решила убить младенца Вэй, который даже говорить не мог?

— С тех пор как вошла в дом Вэй, я искала шанса убить Вэй Цэ, но это оказалось мне не под силу...

— Ты могла подобрать момент, пробраться на кухню и отравить его еду.

— Вэй Цэ очень подозрителен, – криво улыбнулась госпожа Ху. – Сначала блюда пробуют его слуги, так что у меня не оставалось ни шанса – меня бы легко поймали. В доме Вэй живет много людей, а я не могла попасться до того, как моя месть будет осуществлена. А когда родился мальчик, я поняла, что просто убить Вэй Цэ недостаточно. Я хотела, чтобы он ощутил боль от потери единственного сына.

Внезапно голос подал Суй Джоу:

— Это ты распространяла те слухи?

Сегодня он пришел на судебное разбирательство, поэтому одет был в форму Императорской Стражи с цилиндром и выглядел весьма внушительно. Госпожа Ху с магистратом Вэном вела себя спокойно, но аура Суй Джоу оказала на нее сильное впечатление.

Она поклонилась и произнесла:

— Отвечаю господину: заключенная сделала это.

— Зачем?

— Я знала, что никто не поверит в события прошлого, если я сразу расскажу о них, так что я использовала смерти барышни Вэй Чжу и маленького сына Вэй Цэ, чтобы распространить истории об обиженном призраке, которые привлекли бы внимание людей. Если бы честные чиновники не стали восстанавливать справедливость, следующим моим шагом было бы распространение слухов о том, что Вэй Цэ убил свою первую жену и подставил приемного отца, чтобы завладеть имуществом семьи Ху. Даже если бы он не был наказан, его репутация, скорее всего, сильно пошатнулась бы. А если бы представился шанс, я бы убила его, а затем сочинила историю о призраках, лишивших его жизни, чтобы обмануть всех!

— Ты все рассчитала, – равнодушно бросил Тан Фан, – но почему так уверена, что я помогу тебе поднять старое дело? Ты должна знать, что единственное дело, которое мы расследуем на данный момент – это убийство детей семьи Вэй. Поскольку ты признала свою вину и у нас на руках все доказательства, дело можно закрыть. Мы не станем бегать и расследовать случай двадцатилетней давности.

Госпожа Ху принялась кланяться, ударяясь об пол лбом:

— Все из-за расследования! – в слезах причитала она. – Я слышала, что вначале даже Вэй Цэ не знал, что произошедшее связано со мной, и призывал господ закрыть это дело. Именно господин окружной магистрат и двое господ настояли на расследовании. Я знаю, что такие хорошие чиновники, как вы, не боятся тяжелой работы и могут стать единственной надеждой на то, что имя моего отца будет очищено. За убийство следует отплатить жизнью. Эта заключенная знает, что не сможет избежать казни. Я не прошу ничего, кроме того, чтобы господа смилостивились и очистили доброе имя моего отца! Он всю жизнь творил добро и не заслужил подобного конца!

Магистрат Вэн глянул на Тан Фана. Тот слабо покачал головой.

Магистрат Вэн понял его и тотчас ударил по столу молотком:

— Увести. Позже дело будет пересмотрено!

После того как госпожу Ху увели, он спросил мнение Тан Фана:

— Господин, что Вы думаете?

— Сложно, – коротко ответил Тан Фан.

— Это точно, – вздохнул магистрат Вэн. – С тех пор прошло столько лет. Как найти улики, чтобы оправдать ее отца?!

Примечания переводчика:

«Тан Фан хорошо спал всю ночь и сытно позавтракал» - мое сердечко радуется:3

«Защищает клинок людей или убивает их, зависит не от клинка, а от его владельца», - клинок Суй Джоу и его «владелец» Тан Фан ;D

* - Тан Фан называл Суй Джоу «чутким цветочком». 花儿 (Jiě yǐ huā, дословно: «понимающий цветок») – метафора понимающей и красивой женщины, умной и приятной.

«Он привык охотиться, так что знал, что есть два способа расправиться с добычей. Первый: поймать ее быстро, в одно мгновение, прежде чем та успеет среагировать. Второй: медленно варить добычу на слабом огне, пытаясь приблизиться к ней, ослабить защиту, заставить постепенно привыкнуть к твоему присутствию, а затем поймать в сеть»

О-охотничек.

Прости, Суй Джоу, но ты больше на жертву, павшую под чарами господина Тана, похож.

А если без шуток, то абзац этот очень мерзкий. Нормально вообще сравнивать любимого человека со своей жертвой? Как вообще после этого воспринимать все его предыдущие поступки? То есть он делал все это не от чистого сердца, заботился о Тан Фане не потому, что хотел сделать тому приятно, порадовать, а с коварным холодным расчетом? Капец... Не хотела бы я узнать, что мой любимый человек про меня как про свою добычу думает... Это не просто рэд флаг, это огромный красный китайский флагище со звездочками. Минус 25 в карму СД. Вот насколько он мне в дораме нравился, настолько неприятен в книге... Появляется желание защитить от него ТФ(Автор в примечаниях еще песенку про вареную в теплой воде лягушку поет... Романтика от МСШ, хотя чего я от нее ждала?(((

Мое лицо, когда я читаю их диалог про жену (очень забавный, один из любимых в этой книге):
☹☹☹☹

Мое лицо, когда я читаю размышления СД: ☹☹☹☹

Немного забавных опечаток от переводчика, замеченных бетой:

«Госпожа Ху, – обратился к ней магистрат Вэн, – это господин Тан, помощник левого столичного цензора, которого ты хотела видеть. А это господин Тан, глава Двора Императорской Стражи». (бета: я не буду исправлять, хочу узнать твоё мнение по поводу того, что СД взял фамилию ТФ;))

Суй Джоу: в шутку соглашается стать женой Тан Фана

Также Тан Джоу, когда просыпается на утро с новой фамилией: А ой...